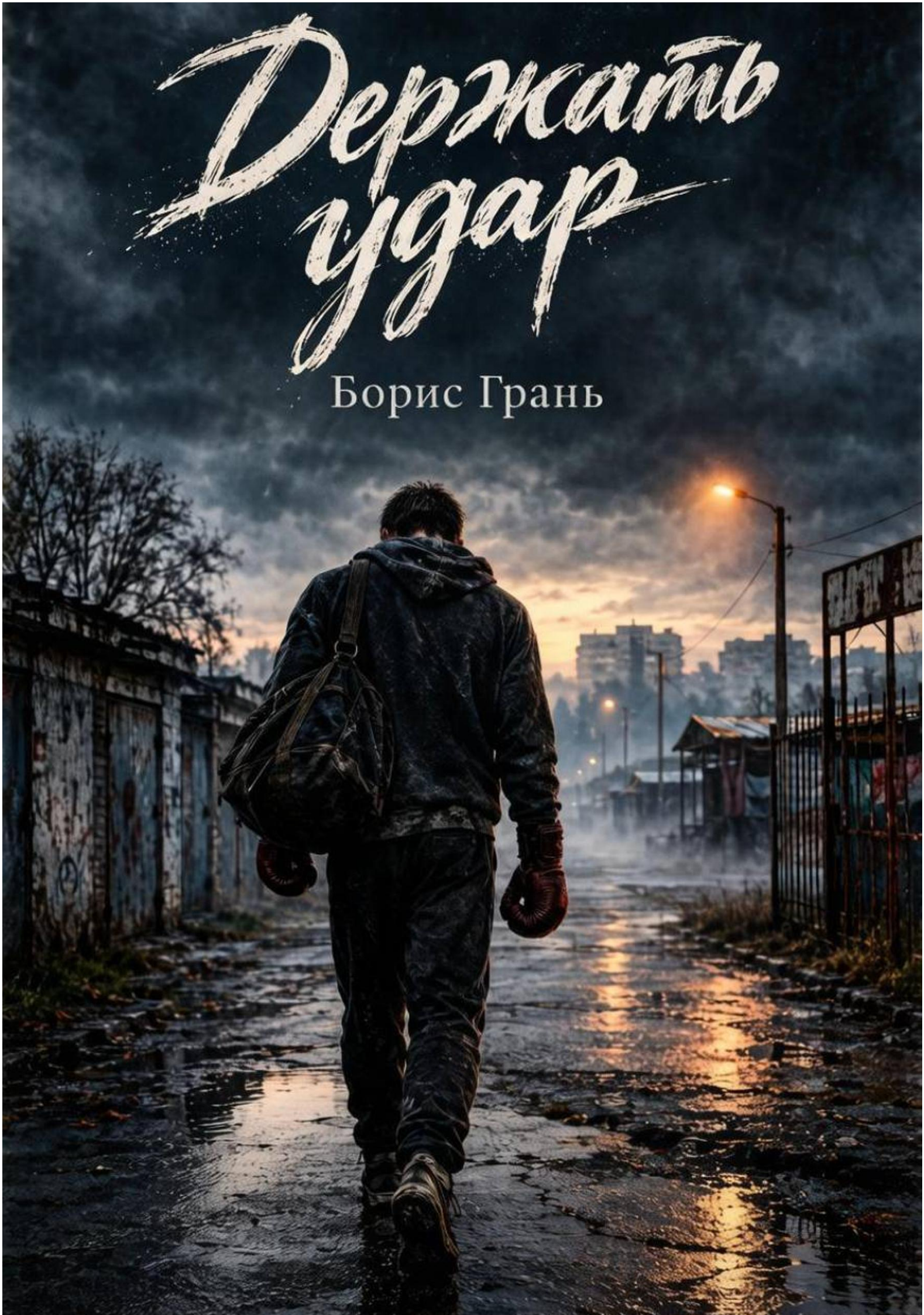
Держать удар

Борис Грань

Борис Грань

Держать удар.

«Автор»
2026

Грань Б.

Держать удар. / Б. Грань — «Автор», 2026

Егор Лохов — тихий парень с синей тетрадью стихов и вечно разбитым носом — каждый день проходил сквозь школьный коридор, как сквозь строй. Пока однажды февральским +вечером не нашёл на дверях сырого полуподвала на Первомайской объявление о наборе в секцию бокса.Он прошёл через унижение, товарную станцию и торфяные болота, через взрослый ринг Вологды и помост Софии, через больницу и прощение врага. А потом в один вечер всё рухнуло: драка у рынка, трое «гостей», две испуганные девчонки и город, который отвернулся. Егора судили за то, что он вступился. Четыре года. Колючка. Война. Ранение. Возвращение в город, где наркотики продают у школы, а участковый советует не лезть.рухнуло: драка у рынка, трое «гостей», две испуганные девчонки и город, который отвернулся. Егора судили за то, что он вступился. Четыре года. Колючка. Война. Ранение. Возвращение в город, где наркотики продают у школы, а участковый советует не лезть.

© Грань Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Падение 6
Глава 1. Синяя тетрадь 6
Глава 2. Точка невозврата 8
Глава 3. Подвал на Первомайской 10
Глава 4. Первые три километра 17
Глава 5. Железо и хлорка 19
Часть 2. Закалка 21
Глава 6. Закон челнока 21
Глава 7. Бой с тенью 24
Глава 8. Чужой угол 26
Глава 9. Возвращение в класс 29
Глава 10. Запах железа 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Борис Грань
Держать удар.

«Держать удар»

Часть 1. Падение

Глава 1. Синяя тетрадь

Февраль девятого класса пах пылью спортзала, хлоркой из раздевалок и мокрой шерстью казенных матов.

Урок физкультуры подходил к концу. Физрук, Семен Палыч, ушел в свою тренерскую пить чай с завучем, оставив класс «доигрывать в волейбол». Но в волейбол никто не играл. Мяч сиротливо валялся в углу под шведской стенкой, а в центре зала, у центрального круга разметки, стоял плотный полукруг из двадцати человек.

В центре круга стоял Дмитрий Савельев.

В поднятой правой руке Савельева была обычная школьная тетрадь на двенадцать листов в темно-синей обложке. Углы тетради были загнуты, на первой странице фиолетовой пастой с легким нажимом было выведено: *«Стихи. 2005–2006»*.

— Тихо, пацаны! — кричал Савельев, давясь смехом. — Слушайте шедевр! Пушкин нервно курит на автобазе!

Класс одобрительно заржал. Пашка Корнеев повизгивал от восторга, Серый толкал в бок долговязого Мишку, девчонки с первой парты хихикали, прикрывая рты ладошками.

Чуть впереди девчонок стояла Света Кузнецова.

Она не смеялась открыто — только тонко, снисходительно улыбалась, заправив за ухо прядь светлых волос. От нее даже сквозь духоту спортзала пахло сладким земляничным кремом. На ней были короткие спортивные шорты и обтягивающая футболка, делавшие ее недосягаемой, словно модель из глянцевого журнала.

— «Твои глаза — как зимний лед, в них солнце тонет и не тает...» — с пафосом, заламывая руку к потолку, читал Савельев. — «И сердце глупое замрет, когда твой взгляд меня встречает...» Лохов, ты че, рифмоплет хренов, это кому? Кузнецовой, что ли? Светка, слышь, тебе стихи посвятили!

— Отдай... — глухо сказал Егор.

Он стоял в двух метрах от Савельева. Старые кеды с отклеивающейся резиновой каймой, растянутые на коленях синие треники, серый застиранный батник, из которого он вырос еще осенью. Руки Егора мелко дрожали, лицо горело пунцовым, унизительным пожаром.

— Чего «отдай»? — Савельев опустил тетрадь, шагнул ближе. Он был выше Егора на полголовы, шире в плечах, а его отец держал две шиномонтажки на выезде из города. — А спасибо сказать? Я твое творчество в массы несу. Может, тебе еще на школьной линейке зачитать?

— Отдай, Дим. Пожалуйста.

Слово «пожалуйста» стало роковой ошибкой. Стая почувствовала слабость.

— А если не отдам? — осклабился Савельев. — Заберешь? Ну давай, забери.

Егор дернулся вперед, вытянув руку к синей обложке.

Движение было неловким, медленным, отчаянным. Савельев легко переложил тетрадь за спину, а свободной левой рукой жестко, с оттяжкой влепил Егору пощечину. Звук удара хлестко разнесся под высокими деревянными балками потолка.

Класс взвыл.

— Куда лезешь, чучело? — оскалился Дмитрий.

Егор отшатнулся, в глазах брызнули слезы — не от боли, а от дикой, удушающей беспомощности. Он опустил голову и бросился на обидчика, пытаясь обхватить его за пояс.

Савельев даже не стал бороться. Он отступил на полшага, перехватил равновесие и коротким, тяжелым прямым ударом кулака вогнал костяшки точно в переносицу Егора.

Хрясь.

Мир взорвался белой вспышкой.

Егор рухнул на спину. Затылок глухо ударился о пыльный дощатый паркет. Из носа хлынула горячая, густая кровь, мгновенно заливая губы, подбородок и воротник серого батника.

В тишине зала раздался звонкий, чистый, серебристый смех Светы Кузнецовой:
— Господи, Савельев, ну ты и дурак... Он же сейчас весь пол здесь запачкает!

Савельев бросил синюю тетрадь прямо на залитую кровью грудь Егора. Листы разлетелись веером.

— Дома допишешь, поэт, — бросил Дмитрий, вытирая костяшки пальцев о штанину. — Пошли, пацаны, звонок уже.

Топот десятков кроссовок удалился. Дверь спортзала хлопнула. Егор остался лежать на спине, глядя в серый потолок с перегоревшими люминесцентными лампами, захлебываясь собственной кровью и слушая, как в ушах тонко и мертво звенит тишина.

До дома было ровно три километра.

Глава 2. Точка невозврата

Февральский ветер крутил поземку по разбитым плитам тротуара.

Егор шел, втянув голову в плечи, зажимая нос грязным носовым платком. Кровь уже свернулась плотной коркой, склеив ресницы и верхнюю губу, но лицо пульсировало тупой, ноющей болью. Правый глаз заплывал — отек медленно сползал на скулу, превращаясь в лилово-черный желвак.

Прохожие брезгливо сторонились его. Парень в грязной куртке с разбитым лицом выглядел либо малолетним наркоманом, либо шпаной, получившей по заслугам в подворотне.

Он поднялся на четвертый этаж без лифта. Дверь квартиры номер сорок восемь открылась бесшумно — мать спала после ночного дежурства на подстанции скорой помощи.

Егор прокрался в ванную, закрыл защелку и включил холодную воду.

В узком зеркале над раковиной на него смотрело чужое, изуродованное существо. Свернутый набок нос, фиолетовый мешок под глазом, сгорбленная худая спина с торчащими лопатками. На ключицах синели старые, недельной давности синяки.

Он вспомнил смех Светы.

Не кулак Савельева, сломавший хрящ, а этот чистый, веселый девичий смех. Для нее он был даже не человеком — так, дворовой собачонкой, которую пнули ради забавы, чтобы не путалась под ногами на парадном крыльце.

Горло перехватило судорогой. Егор упал на колени перед унитазом, и его вывернуло желчью и сгустками проглоченной крови. Он сидел на холодном кафеле, упершись лбом в край ванны, и колотил кулаком в пол до тех пор, пока костяшки не содрались в кровь.

«Так больше нельзя, — билось в висках с каждым ударом пульса. — Лучше сдохнуть под забором, чем еще раз войти в этот зал. Лучше сдохнуть».

Когда тошнота отступила, он смыл кровь ледяной струей, заклеил переносицу серым аптечным пластырем и вышел на кухню.

На столе под кружкой с остывшим чаем лежала районная рекламная газетка «Северный рабочий». Егор тупо перелистывал серые страницы с объявлениями о продаже старых холодильников и запчастей на «Жигули».

На предпоследней полосе, в самом низу, чернела скромная рамка:

«Спортивный клуб "Север". Секция классического бокса. Набор юношей 14–17 лет. Адрес: ул. Первомайская, 12 (вход со двора, полуподвал). Тренер — Кравцов А.И.»

Егор смотрел на эти строчки десять минут.

Потом встал, достал из-под кровати старую брезентовую сумку, бросил туда стоптанные кеды, выцветшие синие трусы и чистое вафельное полотенце.

Оставалось сделать первый шаг.

Глава 3. Подвал на Первомайской

Дорога на Первомайскую вела через промышленную окраину — мимо глухого бетонного забора завода железобетонных изделий, вдоль подъездных железнодорожных путей, по которым раз в сутки маневровый тепловоз лениво перетаскивал платформы со щебнем.

Февраль умирал долго, тяжело и грязно. С серого, белесого неба сыпалась колючая крупа вперемешку с дождем. Под подошвами старых ботинок чавкала серая каша из песка и соли. Каждый шаг отдавался глухим толчком в переносице: марлевые тампоны Егор вытащил накануне ночью, но отек не спал. Нос распирало тупой, ноющей болью, дышать приходилось через рот, и воздух обжигал нёбо, оседая на гландах привкусом ржавчины.

Дом номер восемнадцать возник внезапно из полосы тумана — типичная панельная пятиэтажка-брежневка с облупившимися швами, замазанными черной битумной мастикой. Стены покрывали выцветшие граффити, у подъездов темнели остовы вросших в сугробы брошенных кузовов, а над крышей паутиной свисали кабели самодельных антенн.

Вывески не было.

Егор обошел дом со двора, прижимаясь плечом к мокрой стене. Здесь, среди чахлых кустов акации и ржавых мусорных баков, виднелся спуск в полуподвал — четыре бетонные ступени, залитые черной водой, и тяжелая железная дверь, намертво врезанная в фундамент. Дверь была выкрашена суриком в цвет запекшейся говяжьей крови. На ней косыми гвоздями-сотками был прибит кусок десятимиллиметровой фанеры с растрескавшимися краями.

На фанере черным спиртовым маркером от руки было выведено:

«БОКС. Пн, Ср, Пт. 18:00 — 21:00. Вход со двора. Вторая дверь направо».

Хвостики буквы «к» в слове «бокс» действительно смотрели влево — писавший торопился или просто плохо помнил алфавит, выводя буквы окоченевшими на морозе пальцами.

Егор остановился у верхнего края ступеней.

Часы на сотовом телефоне показывали семнадцать сорок пять. Пятнадцать минут до начала.

«Уходи, — зашептал внутри знакомый, вкрадчивый голос, с которым Егор прожил все свои шестнадцать лет. — Зачем ты сюда пришел? Посмотри на себя. У тебя плечи как у двенадцатилетнего. У тебя нос свернут набок. Там внутри такие же, как Савельев. Там мужики, которые ломают челюсти на завтрак. Они увидят твою дешевую куртку, увидят, как ты дрожишь, и выбросят тебя на мороз. Или поставят к стенке и будут ржать. Ты не боец, Егор. Ты просто Лохов. Иди домой, включи компьютер, закрой дверь на щеколду».

Этот голос был теплым, вязким, безопасным. Он предлагал привычный, проверенный путь: ссутулиться, стать незаметным, перетерпеть два года до выпускного, уехать в другой город, раствориться в толпе таких же сутулых, тихих людей, которые никогда не поднимают глаз.

Ветер сдул с ветки акации ком сырого снега. Снег упал за воротник, обжег шею.

Егор сунул руку в карман. Пальцы нащупали в глубине подкладки плоский металлический предмет — старую бензиновую зажигалку, которой он три часа назад спалил синюю тетрадь со стихами.

Строчки вспыхнули в памяти четко, словно выжженные на сетчатке: «Твои глаза — как зимний лед...».

И следом — хрустальный, серебристый смех Светы на фоне коричневого спортзального паркета. Ее полуприкрытые глаза, тонкая бровь, белый палец у губ. И тяжелый, глухой хруст собственного носа под кулаком Дмитрия.

Если он сейчас развернется и пойдет на остановку — этот смех останется с ним навсегда. До старости. До гробовой доски. Он будет звучать в каждом телефонном звонке, в каждом случайном взгляде на улице, в каждой темной подворотне.

— Нет, — сказал Егор вслух. Слово вырвалось изо рта белым паром и растворилось в сырости двора.

Он спустился по скользким ступеням, взялся за толстую железную ручку — отрезок водопроводной трубы, приваренный к полотну двери, — и с силой потянул на себя.

Дверь подалась с протяжным, натужным стоном несмазанных петель, обдав лицо густым, тяжелым пластом воздуха.

Это был не просто запах. Это была плотная, осязаемая атмосфера совершенно другого мира.

Пахло сырой известью старого бомбоубежища, машинным маслом, которым протирали направляющие тросов, перепревшим войлоком и едким, кислым, концентрированным запахом мужского пота — застарелого, въевшегося в стены за десятилетия тренировок. Так пахнет в кочегарках, в казармах и на скотобойнях: железом, трудом и выжатым до предела телом.

Егор перешагнул высокий стальной порог.

Коридор уходил в полутьму. Потолок был низким, сводчатым — трубы отопления, обмотанные грязной стекловатой и закрепленные алюминиевой проволокой, нависали над самой головой. Под подошвами хрустел рассыпанный песок. С потолка мерно, с сухим стуком падала вода: *кап... кап... кап...*

В конце коридора горела единственная лампочка-сотка без плафона, висевшая на обрывке витого шнура. Вторая дверь направо была приоткрыта.

Егор подошел к проему и заглянул внутрь.

Зал был просторным, но давящим. Бывший отсек гражданской обороны: толстые бетонные колонны подпирали ребристые плиты перекрытия, стены до середины были выкрашены

казенной темно-зеленой масляной краской, выше шла грязно-белая побелка, покрытая паутиной трещин.

В центре зала на бетонном возвышении стоял самодельный ринг. Четыре толстостенные трубы были намертво вварены в пол, между ними натянуты толстые канаты в брезентовых чехлах, местами замотанные синей виниловой изолентой. Настил ринга был собран из толстых досок и затянут серым, вытертым до блеска брезентом.

Вдоль дальней стены висели четыре тяжелых снаряда — длинные кожаные мешки, формой напоминавшие туши подвешенных быков. Они были темно-коричневыми, потрескавшимися от старости, перетянутыми автомобильными ремнями безопасности.

Людей в зале было немного.

У стены спиной к входу прыгал на скакалке рослый парень в синих выцветших трениках. Скакалка вращалась с такой чудовищной скоростью, что ее шнур превратился в размытый серый круг, а удары о бетон сливались в сплошной пулеметный стрекот: *тр-р-р-р-р-р*. Парень двигался легко, почти не касаясь пола пятками, его широкая спина под мокрой майкой ритмично перекатывалась узлами мышц.

У дальнего мешка работал еще один — жилистый, с перебитым носом и коротко стриженным затылком. Он не орал, не делал широких замахов. Он монотонно, с короткими выдохами через нос, вбивал кулаки в неподвижную толщу кожи:

Тук-тук... пах! Тук-тук... пах!

От каждого акцентированного удара стокилограммовый снаряд лишь коротко содрогался, а с потолка над ним планировали мелкие хлопья побелки.

В дальнем углу, под жестяным абажуром старой настольной лампы, стоял канцелярский стол, заваленный журналами, мотками пластыря и пустыми гранеными стаканами.

За столом сидел человек.

На вид ему было около пятидесяти. Тяжелый, кряжистый, с покатыми плечами грузчика и шеей такой толщины, что она казалась продолжением затылка. Короткие седые волосы торчали жестким ежиком, переносица была расплющена и вдавлена в череп — старая, профессиональная боксерская травма, превратившая нос в бесформенный хрящевой бугор. Мужчина был одет в полинявшую х/б майку с выцветшей надписью «ЦСКА» и старые армейские штаны, заправленные в шерстяные носки.

Он пил чай.

Пил медленно, держа граненый стакан в массивном никелированном подстаканнике широкими, изуродованными артритом пальцами.

Егор замер у порога. Ноги словно приросли к крошащемуся бетону.

Парень со скакалкой закончил серию, резко остановился, бросил жгут на пол и вытер лицо краем майки. Оглянулся на дверь, скользнул по Егору равнодушным взглядом и пошел к

лавке за бутылкой с водой. Для него новичок у двери был просто деталью интерьера — вроде огнетушителя на стене.

Мужчина за столом не поднимал головы еще полминуты. Он сделал длинный, громкий глоток горячего чая, поставил стакан на блюдце, промокнул губы вафельным полотенцем, лежавшим на коленях, и только потом медленно повернул лицо к двери.

Его глаза были странного, выцветшего серого цвета — цвета речного льда перед ледоходом. Тяжелые, неподвижные, не выражающие ровным счетом ничего.

— Чего в проеме застрял? — голос прозвучал глухо, с хрипотцой заядлого курильщика. — Сквозняк тянет по ногам. Или зайди и закрой за собой, или иди обратно на улицу, мерзни там.

Егор сделал шаг вперед. Толкнул тяжелую дверь. Та захлопнулась с глухим металлическим щелчком, отрезая шум города, запах талого снега и весь привычный внешний мир.

Он подошел к столу, остановившись в трех шагах.

— Здравствуйте, — сказал Егор. Голос предательски дрогнул, но он заставил себя не отводить глаз. — Я... записаться.

Мужчина оперся локтями о стол. Взгляд его серых глаз медленно, сантиметр за сантиметром, ощупал Егора с головы до ног.

Он задержался на растоптанных зимних ботинках, на тонких щиколотках, на дешевой болоньевой куртке, из рукавов которой торчали длинные, худые запястья с синими прожилками вен. Потом поднялся к лицу.

Взгляд тренера зафиксировал багрово-желтый синяк под правым глазом, отекшую переносицу, смещенную чуть влево, засохшие корки сукровицы у ноздрей.

— Кто причесал? — спросил мужчина буднично, словно интересовался расписанием электричек.

— В школе, — ответил Егор.

— За что?

В горле у Егора пересохло. В голове моментально вспыхнули десятки вариантов спасительной лжи. Можно было сказать, что напали трое в темном переулке. Что защищал девушку. Что отбивался до последнего, но силы были не равны. Любой подросток на его месте нагородил бы сорок бочек арестантов, чтобы спасти остатки гордости перед взрослым мужиком с перебитым носом.

Но Егор посмотрел в эти водянистые, выцветшие глаза напротив и понял: этот человек видел перед собой сотни таких пацанов. Он видел их насквозь — со всеми их соплями, понтами, страхами и дешевым враньем.

— Ни за что, — сказал Егор тихо. — Просто так. Потому что слабый. Потому что не мог сдачи дать.

В зале на секунду повисла тишина. Парень у мешка перестал бить, опустил руки в перчатках, прислушиваясь.

Мужчина за столом чуть приподнял густые, с проседью брови. Желваки на его квадратных челюстях дрогнули — не в улыбке, а в коротком, едва заметном спазме удивления.

— Честно, — произнес он после паузы. — Это хорошо. Врать здесь не надо, Лохов. Здесь через пять минут на ринге всё вранье из ушей вместе с потом вылетает.

Егор вздрогнул:
— Откуда вы знаете мою фамилию?
— У тебя на лбу написано. Вся порода видна: шея тонкая, взгляд побитый, плечи висят. И нос как у деда твоего, Степана. Он на заводе ЖБИ в формовочном цехе сорок лет отпахал, пока не помер. Знал я его. Крепкий был старик, хоть и молчун. А ты, значит, внук?

— Внук, — выдохнул Егор.

— Анатолий Иванович я. Для пацанов в зале — Толик или тренер. На «вы» и шепотом. Запомнил?

— Запомнил.

— Значит так, боец. Секция у нас заводская, полуподвальная. Спонсоров нет, евроремонта нет, бананов на перекусах не дают. Триста рублей в месяц — сбор на перчатки, бинты и уборку. Деньги есть?

— Нет, — прямо сказал Егор. Мать получала копейки на скорой, просить у нее лишние три сотни было немыслимо. — Но я могу отрабатывать.

— Полы мыть умеешь?

— Научусь.

— Два раза в неделю: понедельник и пятница после тренировки. Зал, раздевалка, коридор, туалет. Мыть начисто, с хлоркой, чтоб потом не воняло. Тряпки в каптерке за рингом. Не вымоешь — вылетишь на улицу в тот же вечер. Понял?

— Понял.

Толик прищурился.
— Второе условие. До пятницы принесешь справку от участкового терапевта. Общий анализ крови, кардиограмма под нагрузкой, заключение невролога. Мне здесь сердечники и эпилептики не нужны, я за вас сидеть не нанимался. Если врач напишет «здоров» — допущу до снарядов. Нет — пойдешь в шахматы играть.

— Я принесу.

— Третье. Экипировка. Перчатки пока дам казенные, шлем тоже. С тебя — трусы х/б без пуговиц, майка без рукавов, носки шерстяные две пары и обувь. Кеды на тонкой плоской подошве. Никаких дутых кроссовок с базара на воздушной подушке — голеностоп выломаешь на первом спаринге. В универмаге на привокзальной площади продаются простые синие кеды завода «Красный треугольник». Стоят сорок рублей. Найдешь?

— Найду.

Толик затушил окурок папиросы в тяжелой жестяной банке из-под сельди, служившей пепельницей, поднялся из-за стола во весь свой невеликий, но пугающе плотный рост. Ростом он был не выше Егора, но в ширину казался вдвое массивнее: костистые кулаки величиной с полуторалитровую банку, предплечья, заросшие жестким черным волосом, бугры трапеций, почти закрывавшие уши.

Он подошел к Егору вплотную. От него пахло дешевым табаком, хозяйственным мылом и мятными леденцами от кашля.

Толик поднял тяжелую руку и внезапно, без предупреждения, положил ладонь Егору на грудь — точно в центр, туда, где за тонкими ребрами испуганно колотилось сердце.

Пальцы тренера сжались, сминая ткань куртки и свитера.

Егор замер, ожидая удара или толчка, но Толик просто держал руку, словно слушая ладонью вибрацию чужого тела.

— Дышишь как мышь под веником, — негромко сказал тренер. — Сердечко трепыхается, в глазах муть. Ты зачем сюда пришел, Егор? Отомстить хочешь? Обидчику этому челюсть свернуть мечтаешь?

Егор молчал. Внутри снова шевельнулась та самая темная, горькая ярость, которую он тушил в себе все эти дни.

— Месть — это дерьмо собачье, — жестко, отчеканивая каждое слово, произнес Толик прямо ему в лицо. — С местью сюда не ходят. Злые долго не живут. Злой выходит в ринг, видит чужую рожу, летит вперед без мозгов — и напарывается на первый же встречный прямой. И спит на брезенте, пуская кровавые пузыри. Понял меня?

— Понял.

— Если пришел драться за гаражами — разворачивайся и уходи прямо сейчас. Если хочешь научиться стоять на ногах, когда весь мир под тобой качается — в среду в восемнадцать ноль-ноль жду на построении. Опоздаешь на тридцать секунд — дверь закрою изнутри, будешь на морозе куковать. Свободен.

Толик убрал руку с его груди, повернулся спиной и крикнул в глубь зала:
— Вадим! Хорош мешок гладить! Перчатки надевай, на лапах поработаем!

Егор постоял еще мгновение, глядя на широкую спину тренера, потом развернулся и пошел к выходу.

Коридор бомбоубежища показался ему короче. Лампочка под потолком горела все так же тускло, вода капала в цинковое ведро с тем же монотонным стуком: *кап... кап... кап...*

Он толкнул тяжелую железную дверь с перевернутой буквой «к» на фанере.

Снаружи стемнело.

Февральский вечер накрыл город синим, морозным куполом. Дождь прекратился; мокрый снег под ногами схватился жесткой ледяной коркой, хрустевшей под подошвами, как битое бутылочное стекло. Ветер выдул из переулков сырость, оставив только чистый, звенящий, прозрачный мороз.

Егор поднялся по ступеням во двор.

Он остановился под старым тополем, расстегнул верхнюю пуговицу куртки и впервые за последние четыре дня сделал глубокий, полный вдох через нос.

Боль в сломанных хрящах вспыхнула острой, колющей иглой, дойдя до самых висков. Глаза защипало от выступивших слез.

Но ледяной воздух прорвался сквозь отек, пробил носоглотку и вошел в легкие до самого дна — чистый, холодный, пахнущий снегом и железом.

Егор вытер слезу рукавом.

До дома было ровно три километра. Он не побежал. Он пошел быстрым, широким шагом, впечатывая подошвы в лед, глядя прямо перед собой.

Обратной дороги больше не было.

Глава 4. Первые три километра

Будильник зазвенел в пять двадцать.

Звук был мерзким, пронзительным, вспарывающим предутреннюю тишину квартиры. Егор вскочил с дивана, не понимая, где находится. Тело ломило: сломанный нос гудел, переносицу стянуло коркой, правый глаз открывался лишь наполовину.

За окном стояла черная, ледяная мгла. Термометр за стеклом показывал минус восемнадцать.

«Останься, — шептал предательский голос из темноты комнаты. — Ты болен. У тебя сотрясение. Мать увидит — в больницу положит. Куда ты прешься в темноту и холод?»

Егор стиснул зубы так, что хрустнула челюсть. Подошел к раковине, плеснул в лицо ледяную струю из крана, задыхаясь от обжигающего холода. Натянул трико, старый шерстяной свитер, лыжную шапку до самых бровей и китайские кроссовки на тонкой подошве.

В шесть ноль-ноль он стоял у чугунных ворот старого детского сада.

Егор побежал.

Первые двести метров показались обманчиво легкими. Морозный воздух обжигал горло, ноги на твердом укатанном насте держали темп. Но к концу первого круга начался ад.

Тонкая подошва кроссовок не пружинила — каждый шаг отдавался ударом в колени и позвоночник, отдаваясь острой болью в разбитом носу. Воздуха в легких катастрофически не хватало. Отекшая переносица не пропускала кислород, приходилось хватать морозный воздух открытым ртом. Горло мгновенно пересохло, бронхи засаднило, словно их натирали крупной наждачной бумагой.

На втором круге, возле тех самых школьных гаражей, ноги превратились в чугунные столбы.

Сердце колотилось в горле с частотой пулемета — сто восемьдесят ударов, двести. Желудок свело судорогой. Егор покачнулся, упал на колени в сугроб, и его вывернуло желчью.

— Вставай, — раздался в голове спокойный, безжалостный голос. — Два километра осталось.

— Не... не могу... — прохрипел Егор, задыхаясь в рвотных позывах. — Воздуха... нет...

— Воздух есть, Лохов. У тебя воли нет. Ты всю жизнь на четвереньках ползал. Хочешь обратно в спортзал под ноги Савельеву? Вставай, сука, или сдохни здесь в сугробе!

Егор поднял голову. Сквозь заплывший глаз он увидел серую громаду школьного здания. Окна спортзала на первом этаже были темными.

Он вспомнил смех Светы.

Бешенство — черное, густое, животное бешенство — ударило в голову, смывая боль и слабость. Егор уперся ладонями в наст, содрал кожу о лед и заставил себя подняться.

Его шатало из стороны в сторону, как пьяного. Ноги не слушались, изо рта текла мутная слюна, перед глазами плыли кровавые круги. Но он бежал.

Шаг. Еще шаг. Еще один.

Когда он рухнул грудью на забор детского сада, завершая третий круг, небо на востоке только начинало сереть.

Глава 5. Железо и хлорка

В зале пахло сыростью, застарелым потом десятков поколений бойцов и едкой хлорной известью.

В четыре дня здесь уже гудело. В отличие от школьного зала, здесь не было музыки, криков и шутовства. Слышался только тяжелый, ритмичный свист рассекаемого скакалками воздуха, глухие пушечные удары по кожаным мешкам и отрывистый треск тренерских лап: «Раз-два! Выход! Снизу! Добавил!»

Здесь тренировались взрослые мужики: заводские слесари с широкими спинами, жилистые студенты из политеха, молчаливые парни с армейской стрижкой. На новичка в застиранном трико никто не обратил внимания.

Толик вышел из каптерки, бросил к ногам Егора старую резиновую скакалку с деревянными ручками:

— Три раунда по три минуты. На носках. Пятками пола не касаться. Уронил скакалку — десять отжиманий на кулаках. Время пошло.

Первые полторы минуты Егор путался в шнуре каждые десять секунд.

Скакалка с размаху хлестала по голым щиколоткам, оставляя багровые полосы. Пальцы на ногах сводило судорогой, икры наливались тяжелым свинцом. Через пять минут отжиманий на холодном бетонном полу костяшки пальцев превратились в сплошную ноющую рану.

— Челночный шаг, — Толик встал перед ним, заложив руки за спину. — Ноги на ширине плеч. Вес на передней части стопы. Корпус вполоборота. Забудь про то, как тебя во дворе учили кулаками махать. Уличная драка — это колхоз. Бокс — это геометрия и баланс. Если ноги стоят мертво — ты мишень. Двигайся. Раз-два, раз-два.

Егор прыгал перед разбитым зеркалом до темноты в глазах.

Его отражение казалось ему жалким: тощее тело, синяк под глазом, неуклюжие, дерганые движения. Но Толик не давал остановиться ни на секунду.

— Плечо подними! Челюсть спрячь за ключицу! Куда локоть задрал? Печень открыл — получишь удар, неделю кровью ссать будешь! Соберись, Лохов!

После челнока был мешок. Старый, набитый песком и ветошью брезентовый цилиндр, жесткий, как ствол дуба.

— Прямой левый. Джеб, — командовал Толик. — Не толкай мешок. Бей так, будто хочешь пробить его насквозь и достать стену. Взрыв из стопы, через бедро, скручивай кулак в последний момент. Бей!

Егор ударил.

Боль прошила кисть до самого локтя. Слабые, нетренированные связки не выдержали столкновения со снарядом, запястье подогнулось.

— Слабак, — сплюнул Толик. — Бинтовать надо было. На, мотай.

Он бросил ему два выцветших эластичных бинта. Показал, как жестко фиксировать кистевой сустав, как пропускать ленту между пальцев, создавая плотную ударную подушку.

И снова — удары. Сотни, тысячи ударов.

К концу тренировки Егор не чувствовал рук. Плечи висели плетьми, а пот заливал глаза так, что щипало веки.

В восемь вечера зал опустел.

Егор взял цинковое ведро, налил ледяной воды из ржавого крана, сыпанул две горсти едкой хлорки. Встал на колени и начал молча драить рифленый резиновый настил вокруг ринга.

Толик сидел за своим столом, перебирая журналы учета. Он не сказал ни слова одобрения. Ни единой похвалы.

Но когда Егор, шатаясь от усталости, вылил грязную воду в унитаз и подошел к двери, тренер бросил не оборачиваясь:

Егор вышел на темную улицу.

Февральский мороз обжег разгоряченное тело. Ноги дрожали, кисти ныли, словно по ним проехал каток.

Но впервые за шестнадцать лет своей жизни Егор Лохов шел по ночному городу, не оглядываясь назад на каждый шорох.

Часть 2. Закалка

Глава 6. Закон челнока

К концу марта снег в городе превратился в серую ноздреватую кашу. Утренние пробежки стали тяжелее: кроссовки скользили на наледи, под тонкой ледяной коркой скрывались глубокие лужи с талой ледяной водой. Ноги промокали на первых ста метрах, но Егор уже не обращал на это внимания.

За полтора месяца ежедневного ада тело Егора начало перестраиваться. Ушла детская одутловатость щек, ребра обтянуло сухими, жилистыми полосами мышц. Плечи больше не сводило судорогой после трех раундов со скакалкой. Он научился дышать только носом даже тогда, когда сердце колотилось в горле.

В клубе «Север» его перевели из разряда «принеси-подай» на среднюю линию. Теперь перед мешком он проводил по часу, до автоматизма вбивая в мышцы базовую связку: шаг — уклон — джеб — шаг назад.

— Челнок — это твоя жизнь, — повторял Толик, прохаживаясь вдоль строя с тонкой бамбуковой палкой в руке. Если кто-то опускал локоть или заваливал пятку на пол, палка с сухим щелчком опускалась на провинившуюся часть тела. — Боксер живет на ногах. Упали ноги — упал боец. Запомни, Егор: пока ты двигаешься, в тебя невозможно попасть акцентированно.

В тот вечер в зал пришел Вадим.

Вадиму было девятнадцать. Плотный, коренастый перворазрядник с бритым затылком и тяжелым, исподлобья взглядом. Он работал на заводе металлоконструкций и боксировал в категории до шестидесяти девяти килограммов. В клубе его побаивались: на спаррингах он никогда не жалел партнеров, работая жестко и грязно.

— Толик, дай размяться перед областью, — бросил Вадим, затягивая шнуровку на кожаных перчатках. — С кем встать? Все тяжелые по парам уже.

Толик окинул взглядом зал. Глаза его задержались на Егоре, монотонно колотившем среднюю грушу.

— Лохов, — позвал тренер. — Шлем надевай. Перчатки боевые шестнадцатиунцовые. В ринг.

У Егора внутри все оборвалось. Вадим был тяжелее его килограммов на десять и занимался боксом шестой год.

— Анатолий Иваныч, он же сырой, я его поломаю, — усмехнулся Вадим, сплевывая в угол.

— Не поломаешь, — отрезал Толик. — Лохов, задачу слушай: три раунда по две минуты. Ты не бьешь. Твоя задача — не упасть и не дать зажать себя в угол. Только челнок, уклоны и блок. Вадим, работаешь на тридцать процентов, чисто на технику. Если увижу, что вкладываешься — сниму с области.

Канаты скрипнули.

Егор поднялся по железным ступенькам на деревянный помост. Настил ринга, покрытый потертым серым брезентом, пах пылью и старой кровью. Шлем сжимал виски, капа во рту отдавала резиновым привкусом.

Гонг.

Вадим пошел вперед сразу — широко, уверенно, по-хозяйски прижимая подбородок к левому плечу.

Первый удар прилетел через пять секунд. Короткий левый боковой Вадима скользнул по перчатке Егора, но силы в нем было столько, что у Егора щелкнуло в шее.

— Не жмись к канатам! — рявкнул снизу Толик. — Режь угол! Двигайся!

Егор попытался сделать шаг назад, но Вадим уже настиг его длинным правым прямым. Удар пробил блок, врезавшись в лоб шлема. Перед глазами вспыхнули желтые искры. Егора отбросило на канаты, они упруго спружинили в спину.

«Стой. Дыши. Не закрывай глаза», — забилась мысль.

Вадим наступал, сыпля серийными ударами по корпусу. Его перчатки молотили по предплечьям и локтям Егора с глухим, чудовищным звуком. Боль пробивала защиту, дыхание перехватило после глухого тычка под ребра.

Но Егор не упал.

Он вспомнил школьный спортзал. Вспомнил, как лежал на спине, глядя на Свету и Савельева.

«Здесь не школа. Здесь меня не бросят на потеху стае. Здесь ринг».

Егор опустил подбородок еще ниже, прижал локти к печени и на полусогнутых ногах нырнул под очередной замах Вадима влево, сделав быстрый, взрывной сайд-степ.

Кулак Вадима пропорол воздух. Коренастый боец по инерции пролетел вперед, едва не коснувшись канатов.

— Хорош! — крикнул Толик. — Вышел! Держи дистанцию!

Первый раунд закончился. У Егора гудели руки, плечи онемели от ударов, но в груди вместо паники разгорался холодный, незнакомый азарт.

Он выстоял первую взрослую трехминутку.

Глава 7. Бой с тенью

К середине апреля город окончательно оттаял.

В школе на Егора перестали обращать внимание даже учителя. Он сидел на последней парте, отвечал только тогда, когда вызывали к доске, писал контрольные на твердые тройки и четверки и исчезал сразу после звонка.

Света Кузнецова иногда бросала на него странные взгляды. В ее глазах больше не было брезгливости — скорее недоумение. Мальчик, которого они с Савельевым растоптали два месяца назад, не сломался, не перевелся в другую школу и не стал забитым изгоем. Он словно растворился, стал невидимым, но от этой невидимости веяло непонятной, скрытой опасностью.

Савельев ходил королем. После покупки отцом подержанного байка, Дмитрий стал местной знаменитостью: вечерами он катал Свету вокруг района, врубая шансон на полную громкость в телефоне.

Егор видел их пару раз из окна троллейбуса, когда ехал на тренировку. Сердце даже не екало. Они казались ему персонажами старого немого кино, с которыми у него больше не было ничего общего.

Его настоящая жизнь начиналась в пять вечера перед большим мутным зеркалом в подвале.

— Бой с тенью — это высшая математика бокса, — учил Толик. Он сидел на табурете, держа в руках секундомер. — Твой главный противник — ты сам. Твоя лень, твой страх, твоя кривая стойка. Представь перед собой идеального бойца. Он видит все твои дыры. Он быстрее тебя на полсекунды. Работай против него!

Егор стоял напротив своего отражения.

Гантели по полтора килограмма в каждой руке казались продолжением кистей. Руки двигались непрерывно: джеб — нырок — кросс — смещение — снизу — блок. Металл утяжелителей тянул плечи вниз, трапециевидные мышцы горели огнем, но он не останавливался.

Он учился видеть бой не глазами, а пространством.

Если противник делает шаг левой ногой — он откроет правый бок на долю секунды. Если он готовит удар правой рукой — его левое плечо неизбежно опустится на пару сантиметров.

— Скорость! — командовал Толик. — Не спать, Лохов! Тень не устает!

Пот заливал глаза, капал с кончика носа на доски пола. Мышцы спины, натренированные тысячами повторений, наливались плотной, взрывной силой.

После боя с тенью была работа на груше — маленькой кожаной капле, подвешенной к деревянному щиту на уровне глаз. Нужно было поймать ее бешеный, пулеметный ритм: дробный стук о дерево должен был звучать без единого сбоя.

Та-та-та, та-та-та, та-та-та.

Сначала груша отскакивала в лоб, сбивала пальцы, улетала в сторону. Но через две недели монотонного труда Егор поймал этот темп. Его кулаки кружили перед лицом с точностью часового механизма.

Однажды вечером, когда они остались в зале одни, Толик подошел к нему с банкой мази:
— Руки покажи.

Егор размотал бинты. Кожа на суставах указательного и среднего пальцев была сбита, покрыта толстой коричневой коркой мозолей.

Толик молча взял его кисти, растер густую вонючую мазь по костяшкам. Пальцы тренера были жесткими, как сухие ветки дуба.

— Связки окрепли, — негромко сказал старик. — Кость села плотно. Завтра суббота. Поедем в Тверь на открытый ринг общества «Спартак».

Егор замер:
— На соревнования?

— На бойцовский ковер, — отрезал Толик. — Хватит с воздухом воевать. Пора посмотреть, как ты держишь удар, когда напротив стоит чужой человек, который хочет сломать тебе ребра. Ложись спать в девять. Сбор на вокзале в шесть утра.

Глава 8. Чужой угол

Тверской спортивный клуб «Спартак» располагался в старом здании бывшего купеческого склада из красного кирпича. Внутри пахло сырой известью, дешевым чаем и разогревающей мазью «Финалгон», от которой слезились глаза.

Здесь собрались бойцы со всей области: крепкие парни из Вышнего Волочка, длиннорукие ржевитяне, дерзкие тверские пацаны из заводских районов.

Для Егора это был первый выезд за пределы родного города за последние три года. Все казалось чужим: незнакомый гул голосов, холодные сквозняки в коридорах, чужие тренеры с секундомерами на шеях.

В раздевалке Толик молча замотал Егору руки свежими бинтами, натянул через голову выцветшую синюю майку с надписью «Север».

— Твой бой шестой в списке, — сказал тренер, завязывая шнурки на его кедах. — Весовая категория до шестидесяти килограммов. Соперник — парень из Торжка, второй взрослый разряд. Зовут Антон. Правша, бьет размашисто, любит драку на встречных курсах.

— Что делать? — тихо спросил Егор, чувствуя, как внутри живота закручивается тугой ледяной узел.

— То, чему учил. Не ввязывайся в рубку. Он захочет сломать тебя в первом раунде нахрапом. Проваливай его. Встречай передней рукой. Бей жестко, когда он раскрывается. И помни: в ринге нет жалости. Есть ты и есть он. Если не уронишь ты — уронит он.

— Пара номер шесть! — крикнул в дверь раздевалки дежурный судья. — Лохов, «Север» — Смирнов, Торжок! На взвешивание экипировки!

Они вышли в главный зал.

Ринг стоял на невысоком деревянном помосте посреди зала. Вокруг толпились зрители — в основном тренеры и свободные от боев спортсмены.

В противоположном, красном углу стоял Антон из Торжка. Широкоплечий, с короткой стрижкой «под ноль», с массивной квадратной челюстью и уверенной, наглой ухмылкой. На его плечах бугрились плотные мышцы — было видно, что парень провел не один десяток жестких боев.

— В синем углу — Егор Лохов, спортивный клуб «Север»! В красном углу — Антон Смирнов, клуб «Торжок»!

Рефери в белой рубашке подозвал их в центр ринга:

— Слушать команды. Ниже пояса не бить, по затылку не бить, после команды «брейк» — шаг назад. Пожали перчатки.

Касание тяжелых перчаток. Взгляд Смирнова был тяжелым, давящим — он пытался сломать Егора психологически еще до первого удара, глядя прямо в переносицу.

Но Егор не отвел глаз.

В его памяти вспыхнуло лицо Савельева в школьном спортзале. Этот парень из Торжка не был страшнее Савельева. Никто в этом мире больше не мог быть страшнее того позора, через который он прошел в феврале.

Гонг.

Смирнов сорвался с места, как цепной пес.

С первых же секунд он обрушил на Егора град размашистых боковых ударов, пытаясь снести новичка к канатам. Зал взревел: «Дави его, Тоха! Размажь!»

Воздух засвистел вокруг головы Егора. Тяжелая кожаная перчатка Смирнова чиркнула по шлему, вторая пришлась в блок. Удары были пушечной силы — Егора качнуло, в глазах на мгновение потемнело.

— Стой! — закричал снизу Толик. — Ноги! Где челнок?!

Егор сделал шаг назад, уперся пяткой в брезент и включил ноги.

Смирнов летел вперед с открытым забралом, уверенный, что соперник сломлен. Он замахнулся широким правым свингом, раскрывая всю левую сторону корпуса.

«Геометрия», — щелкнуло в мозгу Егора.

Он нырнул под правую руку соперника, пропуская удар над головой, сместился на полшага влево и со всей массой развернутого бедра вогнал жесткий левый крюк точно в печень Смирнова.

Хруст.

Звук чистого попадания был слышен даже в шуме зала.

Смирнов осекся на полуслове. Его лицо мгновенно посерело, наглая ухмылка сползла, сменившись маской дикой, парализующей боли. Ноги бойца из Торжка подкосились, он судорожно схватился за канаты, пытаясь вдохнуть воздух, но легкие отказали.

Егор отступил на два шага, держа руки у подбородка.

Смирнов медленно, как подрубленное дерево, опустился на колени, уткнулся лбом в серый настил ринга и замер, судорожно подтягивая колени к животу.

Зал затих.

Рефери бросился между бойцами, открывая счет:

— Раз... два... три... четыре...

На счете «шесть» секундант Торжка выбросил на канаты белое полотенце:
— Все, хватит! Снимай!

Рефери махнул рукой:
— Бой остановлен! Ввиду явного преимущества победу нокаутом в первом раунде одержал боец синего угла!

Толик стоял внизу у лестницы. Его лицо оставалось неподвижным, как кусок гранита, но в серых глазах за папиросным дымом горел сухой, торжествующий огонь.

Когда Егор спустился с помоста, тренер молча протянул ему бутылку с водой и коротко бросил:
— Удар по печени был чистый. Но в защите на первых секундах ты зевнул. В понедельник на мешке добавим два раунда. Пошли за грамотой.

Глава 9. Возвращение в класс

В понедельник утром Егор надел чистую белую рубашку — ту самую, которую мать берегла для праздников.

Следов от субботнего боя на лице почти не осталось: шлем защитил от ссадин, лишь под левым глазом желтел едва заметный след от касательного удара перчатки Смирнова. В кармане куртки лежала скромная бумажная грамота за первое место в матчевой встрече городов Тверской области и маленькая литая медаль из желтого металла на тонкой красной ленточке.

Он не стал вешать ее на стену. Он положил ее на дно ящика письменного стола, под стопку тетрадей по алгебре. Медаль была напоминанием, а не поводом для гордости.

У входа в школу номер сорок два таял последний грязный сугроб.

На крыльце, как обычно, стояла стайка старшеклассников. Савельев курил, прислонившись к перилам, в расстегнутой кожаной куртке. Рядом щебетала Света, поправляя яркий шарф, и Пашка Корнеев заглядывал Дмитрию в рот, готовый заржать над любой его шуткой.

Когда Егор поднялся по бетонным ступеням, разговор на крыльце оборвался.

Все взгляды скрестились на нем.

Савельев медленно вынул сигарету изо рта, прищурился, готовясь бросить привычное ядовитое оскорбление. Корнеев уже приоткрыл рот для поддакивающего смешка.

Егор не отвел глаз.

Он шел прямо на них — спокойным, легким, пружинистым шагом. Плечи были развернуты, подбородок чуть опущен, руки свободно висели вдоль тела. В его взгляде не было вызова. В нем была абсолютная, давящая тишина бойца, который сорок восемь часов назад уложил на настил человека вдвое сильнее и опаснее любого из стоящих на этом крыльце.

Савельев дернулся. Его губы дрогнули, сигарета в пальцах замерла на полпути. Слова застряли у него в горле. Он инстинктивно, на чистых животных рефлексах почувствовал перемену: перед ним больше не было жертвы. Перед ним стоял чужой, опасный зверь.

Егор прошел мимо них в полуметре.

Подол его куртки едва не коснулся Светы. Девочка затаила дыхание, ее глаза расширились, губы приоткрылись. Она ждала, что он хотя бы посмотрит на нее. Бросит взгляд обиды, упрека или тайной надежды.

Егор прошел сквозь них, как сквозь пустое место.

Тяжелая входная дверь школы захлопнулась за его спиной со звонким щелчком пружины.

На крыльце повисла липкая, неловкая пауза.

— Димон... — неуверенно подал голос Корнеев. — А че Лохов такой дерзкий стал? Че он идет, как будто не видит никого?

Савельев со злостью швырнул окурок в лужу, сплюнул сквозь зубы и с ненавистью посмотрел на закрытую дверь:

— Заткнись, Корней. Пошли на урок.

Весна вступала в свои права. До конца девятого класса оставалось полтора месяца. Впереди маячили майские грозы, выпускные экзамены и та самая развилка у гаражей, где старому миру суждено было рассыпаться в пыль навсегда.

Горбатого только могила исправит, слыхал такую поговорку?

За столом дружно заржали. Пашка Корнеев закашлялся компотом, услужливо поддакивая вожаку. Света не засмеялась громко, но уголки ее красиво подкрашенных губ дрогнули в той самой снисходительной усмешке, которой она одаривала всех, кто не входил в ее круг избранных. Она скользнула взглядом по широким плечам Егора, обтянутым дешевой серой водолазкой, и задержалась на его руках.

Егор не перестал жевать.

Он методично доел гречку, собрал вилкой последние крошки крутого желтка, аккуратно закрыл крышку пластикового контейнера. Защелки щелкнули сухо и отчетливо в наступившей тишине столовой.

Внутри него не поднялась знакомая с детства волна тошнотворного жара. Кровь не ударила в виски, пальцы не похолодели. Было странное ощущение абсолютной стерильности — словно за соседним столом не люди сидели, а включенный на минимальную громкость старый телевизор, по которому крутили нелепую рекламу стирального порошка.

Он встал, взял контейнер и пошел к выходу.

Его путь лежал прямо мимо стола Савельева. Коридор между рядами был узким, заставленным алюминиевыми стульями.

Дмитрий демонстративно вытянул свою длинную ногу в тяжелом ботинке, перегораживая проход. Подошва уперлась в ножку противоположного стола на высоте колена. Ловушка была примитивной, дворовой, рассчитанной на то, что жертва либо униженно попросит убрать ногу, либо попытается неловко перешагнуть и полетит носом в грязный линолеум под гогот зрителей.

Егор не остановился.

Он не сбавил шаг даже на долю секунды. На расстоянии полушага от препятствия он просто опустил правую руку, ухватил ботинок Савельева за толстый рант жесткими, огрубевшими пальцами и коротким, плотным движением дернул вверх и в сторону, освобождая себе дорогу.

Это не было ударом. Это было чисто техническое движение — так убирают сухую ветку, мешающую пройти по лесной тропе.

Но силы в пальцах и предплечье Егора было уже столько, что нога Дмитрия взлетела в воздух. Стул под Савельевым качнулся, ножки со скрежетом проехались по плитке, и признанный лидер класса нелепо, по-бабьи взмахнул руками, едва не опрокинувшись на спину вместе с недопитым стаканом чая.

— Ты чё, оху... — начал было Дмитрий, судорожно хватаясь за край стола, чтобы не рухнуть. Лицо его мгновенно залила густая, свекольная краска стыда.

Егор уже прошел мимо.

Он даже не обернулся на звук падающей вилки и вскрик Ирки Новиковой, которую Савельев задел локтем. Он дошел до стола с грязной посудой, поставил поднос и вышел в пустой, залитый весенним солнцем коридор.

В спину ему смотрели десятки глаз.

И среди них — два серых, широко распахнутых глаза Светы Кузнецовой, в которых впервые за все девять лет их знакомства появилось нечто совершенно новое: растерянность, смешанная с острым, колючим уколом уязвленного женского самолюбия.

Глава 10. Запах железа

Вечерняя тренировка в пятницу выдалась адской.

На улице пошел тяжелый, холодный апрельский ливень. Вода хлестала в маленькие подвальные окна под самым потолком, заливая подоконники и капая в подставленные эмалированные тазы: кап... кап... кап...

Толик был не в духе. С самого утра у него ныло разбитое еще в молодости колено, он хромал сильнее обычного и гонял парней без малейшей жалости.

— Челноком пошли! — орал он, сидя на табурете у ринга с тяжелым секундомером в руке. — Взрыв — отход! Взрыв — отход! Ноги не скрещивать, уроды! На носках, на носках пружиньте! Лохов, выше руки! Правый локоть прижми к печени, тебе туда лом забить можно!

Егор работал на тяжелом кожаном мешке в углу.

Мешок был старый, набитый обрезками резины и сухим песком. Он весил под восемьдесят килограммов и на ощупь напоминал могильную плиту.

Каждый удар отзывался во всем теле.
Левый прямой — пам!
Стопа вкручивается в пол, колено разворачивается, бедро посылает импульс через спину в плечо.
Правый кросс — бам!
Сухой треск брезента, мешок вздрагивает, но не качается — удар входит глубоко внутрь, пробивая насквозь.

— Стой, — раздался за спиной голос Толика.

Егор опустил перчатки. Пот заливал глаза, щипал содранные брови, стекал по желобку позвоночника ледяными ручейками. Майка на спине промокла насквозь и прилипла к лопаткам.

Толик подошел вплотную, ткнул пальцем в середину мешка:
— Куда бьешь?

— В центр, — хрипло выдохнул Егор через капу.

— Центр у твоей бабушки на комоде. Ты по плоскости лупишь. По звуку слышу: шлепок идет. А должен быть сухой щелчок. Как полено топором перерубил. Кулак доворачивай в последний момент. Вот так.

Толик, не надевая перчатки, коротко, без видимого замаха, бросил свою голую, изуродованную старыми переломами кисть в мешок.

Звук получился страшным — глухой, вибрирующий гул, словно внутри мешка лопнула стальная пружина. Восьмидесятикилограммовая туша снаряда качнулась на ржавом вертлюге.

— Понял механику? — Толик потер костяшки о край майки. — Ты не толкай его. Ты его пробить насквозь должен. Представь, что за его спиной, в двадцати сантиметрах, стена стоит. И твой кулак должен коснуться этой стены через его туловище. Работай еще три раунда. Потом Вадим тебя на лапах посмотрит.

Вадим подошел через пятнадцать минут. Молчаливый, жилистый, он уже закончил свою работу и теперь держал в руках тяжелые кожаные «лапы».

— Давай двойку, — бросил он Егору. — С акцентом на правую. Поехали.

Они встали посреди зала.

Вадим двигался мягко, по-кошачьи, меняя углы, то проваливая Егора, то резко накатывая вперед.

Раз-два! — хлоп-хлоп.

Уклон, шаг влево — кросс! — бам!

Нырок под правую руку — печень-голова! — тыщ-тыщ!

Удары Егора ложились точно в середину круглых мишеней. Звук в подвале стоял такой, будто работала бригада плотников. Вадим пружинил, принимая удары на жесткие ладони, и в его прищуренных глазах читалось скупое, профессиональное уважение.

— Хорошо летит, — сказал Вадим в перерыве между раундами, опуская руки. — Плотный удар стал, тяжелый. Для твоих шестидесяти четырех килограммов — очень прилично. Ты костями бьешь, это больно.

— Спасибо, — выдохнул Егор, сдирая зубами липучку с перчатки.

— Рано спасибо говоришь, — усмехнулся Вадим краешком разбитого рта. — На улице совсем другое кино будет. На улице перчаток нет, там бинты тебе руку не держат. Ударишь дураку в лоб со всей дури — сам без кисти останешься, трещина пястной кости гарантирована. На улице бить надо либо в челюсть снизу, либо по мягкому — в печень, в солнечное сплетение. А лучше вообще не бить, если можно уйти.

— Почему? — спросил Егор, глядя на свои замотанные в синий хлопок кулаки.

Вадим помолчал, глядя в мутное стекло подвального окна, по которому хлестали струи апрельского дождя.

— Потому что когда ты умеешь бить по-настоящему, ты человека убить можешь за полсекунды. Случайно. Ткнешь в бороду — он затылком об бордюр приложится, и всё. Ему — деревянный ящик, тебе — семерка строгого режима по сто одиннадцатой, часть четвертая. Стоит оно того? Из-за какого-нибудь школьного чмошника жизнь себе ломать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.